

С самого детства я рос на рассказах бабушки о моих маме и папе. Когда маме было тридцать, она в одиночку приплыла в Зеленое Море и встретила моего папу, который был ее ровесником. Они полюбили друг друга с первого взгляда, и как ни противились сородичи, папа тайком женился на маме. В конце концов, после моего рождения, их изгнали из Зеленого Моря, навсегда запретив ступать сюда даже ногой. Тогдашний Король Зеленого Моря был невероятно холоден и бесчувственен, и именно это стало моей первоначальной причиной захотеть в будущем стать Королем Зеленого Моря.

В детстве я думал, что всякая любовь похожа на любовь моих мамы и папы: ей не важны ни статус, ни происхождение, ни раса, она приходит только ради тебя, ради тебя готова жить и умереть, ради тебя стерпеть изгнание.

Однако позже я понял, что любовь в этом мире бывает разной, и некоторая любовь приходит вовсе не ради тебя одного.

Поскольку моя кровь не отличалась чистотой, а внешность была далека от привлекательной, маленькие русалки в детстве никогда не звали меня играть. Мой собственный характер тоже не особо тяготился отсутствием друзей, зато это оставляло мне больше времени на изучение того, как применять различные способности.

По мере того как я рос, мои силы намного превосходили возможности других ровесников-русалок, и среди них был лишь один человек, способный со мной тягаться — та самая Би Мэн, нынешний Король Зеленого Моря.

На самом деле я никогда не думал, что такой человек, как она, обратит на меня внимание. Во всем, кроме способностей, мы казались двумя противоположностями. У нее была чистейшая кровь, ослепительная внешность, бесчисленные друзья и толпы поклонников, она всегда и везде оказывалась в центре внимания, в то время как я — полная ей противоположность. Если попытаться найти еще хоть одну общую черту, так это то, что мы оба сосредоточили все свои силы на совершенствовании навыков и даже к пятидесяти годам оставались неженатыми и незамужними, не имея даже возлюбленных.

Впервые мы заговорили в мой пятидесятый день рождения. Я тогда пел в одиночестве на своем обычном месте для тренировок, и вдруг после песни раздался чей-то хлопок в ладоши. Я немного удивился, потому что место, где я занимался, находилось очень далеко от нашего селения, и другие русалки появлялись там крайне редко.

— С днем рождения! — неожиданно произнесла Би Мэн.

— Откуда ты знаешь, что сегодня мой день рождения?

— Я старше тебя ровно на два месяца, и два месяца назад я как раз отметила свое пятидесятилетие.

Заметив мое удивленное выражение лица, она улыбнулась: — Чему ты так удивляешься? Разве ненормально, что я слежу за человеком, который сильнее меня?

Для меня это было действительно странно, ведь чужие дела меня совершенно не интересовали, но, пожалуй, вполне нормально для человека, который считает меня своим соперником. Желания болтать с ней у меня по-прежнему не было, и я продолжил петь. Она тоже не стала докучать разговорами, просто присела рядом и слушала, а перед закатом ушла первой. Я думал, на этом все и закончится и она больше не станет возиться с таким невоспитанным типом, но я никак не ожидал, что она вернется.

После моего дня рождения она стала приходить сюда почти каждый день: иногда просто здоровалась, иногда даже не приветствовала, а молча наблюдала, как я тренируюсь управлять водой, пою или призываю дельфинов, а посидев немного, уходила, не задерживаясь надолго.

Если случалось так, что она пропускала день-другой, то при следующей встрече обязательно сама объясняла, какие дела ее задержали. Так продолжалось несколько месяцев, пока ее ежедневные визиты не вошли в привычку. Она просто стала приходить ко мне каждый день и заниматься вместе со мной, даже несмотря на то, что я почти с ней не разговаривал.

Сначала мне это казалось невероятно странным, и я никак не мог привыкнуть, что кто-то постоянно за мной наблюдает, но спрашивать ее о причинах я считал излишним и позволил ей приходить и уходить, как ей вздумается. К моему удивлению, со временем я настолько привык к ее ежедневному присутствию рядом, что в те редкие дни, когда она не появлялась, чувствовал себя не в своей тарелке, тревожась, не заболела ли она или не случилось ли чего, а когда она возвращалась, невольно чувствовал облегчение.

Мы по-прежнему обменивались лишь немногими словами, но между нами тихо зарождалось то самое взаимопонимание — когда не нужно ничего говорить, а достаточно одного взгляда, чтобы понять друг друга.

Время пролетало незаметно, так же просто и естественно, как сменяются восход и закат солнца, каждый день проскальзывал мимо исподволь, и в мгновение ока мы провели в таком ритме десять лет.

Я не из дерева сделан, у меня тоже есть чувства и страсти, я тоже мечтал о любви и предавался фантазиям. Бывало, я тайком думал: раз она согласна проводить со мной столько времени, не любовь ли это? Я даже подумывал сказать ей побольше слов, чтобы прощупать ее чувства, и всерьез собирался плюнуть на все, напрямую признавшись, как сильно я люблю ее и как хочу вечно быть с ней вот так. Но в конце концов я так ничего и не сделал, потому что отчетливо понимал пропасть между нами. У меня не было уверенности, что она полюбит меня так же сильно, как я ее, и я боялся, что любое проявление истинных чувств просто спугнет ее.

Пока за два месяца до моего шестидесятилетия — то есть в день рождения самой Би Мэн — она вдруг не спросила меня: — Тебе совсем нечего мне сказать?

— А что ты хочешь услышать от меня?

— Ладно, раз ты молчишь, тогда говорить буду я. В конце концов, каждый год в свой день рождения я думала: если в этот раз не скажу, то обязательно скажу, когда мне исполнится шестьдесят! Главк, слушай сюда: хотя нам и не разрешено быть вместе, с того самого момента, как сорок лет назад я случайно услышала, как ты поешь, я начала любить тебя. Я потратила десять лет на безответную любовь к тебе и на то, чтобы набраться смелости и подойти ближе, и еще десять лет каждый день проводила рядом, ожидая, пока ты полюбишь меня. И теперь я больше не хочу тратить еще десять лет на гадания о том, любишь ты меня или нет. Отвечай мне прямо сейчас, без утайки: испытывал ли ты когда-нибудь ко мне хоть какие-то чувства, любишь ли ты меня?

— Это не любовь.

— Значит, дружба?

— Это сильнейшая любовь.

Услышав это, Би Мэн подскочила ко мне и со всего маху врезала мне кулаком, сбив с ног, а затем прижала к земле и принялась колотить. Я даже не пытался защищаться, просто лежал там и глупо улыбался, глядя, как она меня бьет, а под конец мы крепко обнялись, одновременно плача и смеясь.

Так мы с Би Мэн полюбили друг друга, но не смели никому в этом признаться, боясь гнева сородичей. Впрочем, даже если кто-то и видел нас тренирующимися вместе, никому и в голову бы не пришло связать двух столь непохожих друг на друга существ романтическими узами — все думали лишь о том, что двое одаренных сородичей просто вместе оттачивают мастерство. А того, что мы могли проводить вместе каждый день, нам, только начавшим свой роман, было вполне достаточно.

<http://bllate.org/book/19463/1908616>